

Пока ребята ужинали, им то и дело приходилось отвечать на расспросы односельчан. В хате то и дело раздавались удивленные вздохи да восхищенное цоканье языками.

У кого-то из слушателей в голове сразу зашевелились хитрые мыслишки, другие же просто хлопали ушами, не думая ни о чем лишнем. Дождавшись темноты, Гоудань и Ван Сюань тихонько выскользнули из дома, чтобы разнести гостинцы старому старосте и другим деревенским активистам. В будущем, если им опять понадобятся справки для поездок, без этих людей всё равно не обойтись. Не забыли они и тех, с кем ладили особенно хорошо — например, старую тетюшку. Кому-то перепала пара прочных носков, кому-то — узорчатый головной платок. Вещи копеечные, но главное — внимание.

Расспросов, конечно, хватало. Ребята рассказывали только о том, как устроен юг, что они там видели и слышали, но про торговлю и закупку товара — ни гу-гу. Об этом они решили молчать намертво, даже если кто-то и начнет догадываться. Всем говорили одно и то же: дескать, прибились к чужой компании чисто ради интереса, денег за душой не имели, а потому натерпелись в дороге всякого. Деревенские охотно верили. Все ведь знали, в какой нужде живет семья Ли Сы. Да и откуда взяться лишним мыслям? У людей в этих краях жизнь и взгляды оставались прежними, консервативными.

Вернувшись домой, Ван Сюань без сил повалился на кровать.

— До смерти устал, — выдохнул он. — Надо устроить передышку, а уж потом за новые дела браться.

Поначалу они планировали за летние каникулы обернуться дважды, чтобы подзаработать побольше, но теперь стало ясно: не выйдет. Мало того что дорога сжирала кучу времени, так еще и выматывала душу. С нынешним транспортом любое дальнейшее путешествие растягивалось на долгие недели, а то и месяцы.

— У нас еще осталась куча всякой мелочевки, — напомнил Гоудань. — Ну, те самые остатки, которые южные фабриканты отдали нам почти даром, в довесок к крупным партиям. Сорта там нет, качество так себе, да и комплекты неполные. Мы сразу понимали, что дорого это не продать. Крупные перекупщики, через которых мы сбывали основной товар, даже смотреть на этот хлам не захотели. Так и лежит мертвым грузом в куче на складе. Что с ним делать будем?

— С этим мы тоже разберемся, — отозвался Ван Сюань. — Правда, придется побегать и попотеть.

Спустя пару дней Гоудань раздобыл старый, потрепанный жизнью дорожный велосипед-«двадцатьвосемерку». После этого ребята принялись разгребать завалы скопившегося барахла. Это были вещи, которые пылились по дальним углам южных складов из-за устаревшего фасона или нелепой расцветки. Хозяева фабрик наткнулись на них во время генеральной уборки и отдали парням за сущие копейки, лишь бы освободить место. Теперь всю эту кучу нужно было разобрать и рассортировать.

— Кто знает, сколько еще такого залежалого хлама скопилось у южных дельцов, — размышлял вслух Гоудань, раскладывая вещи. — Наверняка они знатно нагрели руки на доверчивых покупателях. Впрочем, тут всё честно: насильно никто не неволил. То, что на юге считают устаревшим утилем, у нас, в глубинке, где всё до сих пор распределяют по талонам и нормам, оторвут с руками.

Среди барахла обнаружили горы пуговиц — старых, разномастных, всех мыслимых размеров и цветов. Неудивительно, что фабриканты отдали их даром. Хранить такое добро на складе — только место переводить, а тут и от мусора избавились, и парням услужили, обеспечив себе преданных клиентов на будущее.

Набрав воды, ребята высыпали пыльные пуговицы в таз, хорошенько промыли их, а затем принялись за сортировку. Похожие по форме раскладывали вместе, а те, что отличались фасоном, но совпадали по цвету, объединяли в одну группу. В итоге все пуговицы аккуратно распределили по коробочкам.

Кроме пуговиц, в куче пестрели резинки и ленты для волос, шелковые платки, цепочки для брюк, полотенца, кружевные оборки для наволочек, заколки, шпильки, нитки с иглами, карманные зеркальца, копеечные серьги, браслеты и простые хлопчатобумажные носки.

Когда они забирали эти тюки на юге, то даже не заглядывали внутрь — цена была смешной, а объемы огромными, вот и хапнули не глядя. Теперь же, разбирая завалы, Гоудань то и дело чертыхался: эти пронырливые фабриканты явно приняли их за ходячую помойку! Кое-какие вещи оказались сломанными или порванными, но их всё равно бесстыдно запихали в мешки.

Хуже всего было то, что они уже и не помнили, какой именно коммерсант подсунул им этот неликвид.

Настроение знатно подпортилось. Мальчишки молча корпели над кучами товара, пока у них не затекли шеи. Назначение некоторых чисто женских штучек они вообще не понимали, поэтому раскладывали их по наитию, объединяя похожие безделушки вместе.

Собрав приличную часть барахла в большой плетеный короб и прихватив с собой пару фляг с водой, они ранним утром выехали в путь на старой «двадцатьвосьмерке». Целью их были рынки в крупных поселках и волостях. За последние два года многие народные коммуны в округе упразднили, преобразовав их в обычные поселки и волостные центры. Ребята рассудили здраво и не стали сразу соваться на базар в родном поселке Сяньгоучжэнь — вместо этого они нацелились на соседние местечки.

От поездки на автобусе они отказались. Налегая на педали под палящим солнцем, они катили от одного поселка к другому, утешая себя тем, что это отличная тренировка для тела.

Добравшись до оживленного центра очередного поселка, где ютились лавки с бакалеей, снабженческо-сбытовой кооператив и редкие лоточники, ребята присмотрели свободный пятачок. Гоудань расстелил на земле самодельное покрывало, сшитое из старых распоротых

мешков, и они принялись раскладывать свои сокровища.

Место им досталось на самой обочине, у всех на виду стоять не хотелось. Поначалу они стеснялись зазывать народ и молча ждали покупателей. Редкие прохожие лениво косились на их развал, изредка прицениваясь и забирая копеечную мелочевку за пару фэней или цзяо.

Гоудань быстро смекнул: дело не пойдет. Стоит упустить утренний час пик — и товар останется лежать мертвым грузом. На деревенских рынках торговля кипит лишь строго в определенные часы.

Недолго думая, он отыскал небольшой ящик, обвязал его веревкой и повесил себе на шею так, чтобы тот прижимался к груди. Придерживая короб одной рукой, Ли Кай зашагал вдоль торговых рядов, громко выкрикивая зазывалки, а Ван Сюань остался караулить основную точку. Наблюдая, как ловко его названный брат вживается в роль заправского уличного торговца, Ван Сюань не смог сдержать улыбки — уж больно комично это выглядело.

Ли Кай на ходу еще и умудрялся строить ему смешные рожицы. Ван Сюань покатывался со смеху, грозя ему пальцем, но в глубине души вдруг защемило. Они ведь с самого детства только тем и занимались, что выживали, цепляясь за любую возможность. Гоудань за эти годы успел освоить десяток ремесел, и никакая работа не казалась ему постыдной. Вот и сейчас он ни капли не стыдился уличной торговли. И пускай в толпе они могли запросто встретить кого-то из школьных товарищей — Ли Каю было плевать на чужие косые взгляды.

Он шел сквозь толпу, зазывая прохожих и предлагая заглянуть в свой переносной ящик. Если кто-то спрашивал про другой товар, Ли Кай махал рукой в сторону их расстеленной рогожи, приглашая подойти поближе. Постепенно вокруг него начала собираться любопытная толпа. В маленьких поселках на базарах народу всегда поменьше, чем в уездных городах, но Гоудань умудрялся расшевелить даже самых сонных деревенских жителей.

— Тетушка, загляните, вдруг приглянется что! — весело вещал он, перехватывая прохожих.

— Уважаемый, не проходите мимо! Купите дочке заколку или ленту яркую! Сестрица, глянь, какие банты! У нас и платки шелковые есть, и заколки дивные! Подходи, честной народ, налетай, выбирай!..

— Носочки белые хлопковые, дешево! Банты разноцветные, платочки узорчатые! И главное — никаких талонов на ткань не надо! Иголки-нитки, всё в розницу!

— Почти даром отдаем, подходи, приценивайся!

— Ой, бабушка, эти закончились, но вы вон туда пройдите, в самый конец улочки! Там наш основной развал, чего только нет! И ленты алые для невест, и шелковые косынки — точь-в-точь как городские модницы носят!

Ли Кай прошел улицу из конца в конец, до самого перекрестка. Стоило ему заметить потенциального покупателя, как он тут же совал ему под нос свой ящик, заставляя разглядывать безделушки, и настойчиво зазывал к основному прилавку.

План сработал блестяще. Возле Ван Сюаня быстро выросла плотная стена из дородных тетушек, дотошных старушек и молодых девчонок-модниц. Люди ведь как устроены? Стоит двоим-троим сгрудиться в одном месте, как остальные тут же тянут шеи — полюбопытствовать, не выбросили ли какой дефицит. В считанные минуты их импровизированный прилавок облепили со всех сторон.

От такого наплыва Ван Сюань поначалу растерялся. Покупательницы шумели: одна требовала скидку, другая клянчила какую-нибудь копеечную ерунду в подарок, третьи просто подолгу перебирали безделушки своими мозолистыми пальцами, не собираясь ничего покупать. Кое-кто из хитрых бабенок и вовсе норовил под шумок припрятать в рукаве какую-нибудь заколку, надеясь уйти не заплатив.

К возвращению Ли Кая Ван Сюань уже едва не сорвал голос.

— Пожалуйста, не толкайтесь! Старшая сестра, отступите на полшага, вы же весь товар собой загородили, другим покупателям ничего не видно!

Гоудань тут же вклинился в толпу, прокладывая дорогу локтями. Ван Сюань облегченно выдохнул. Теперь они встали по обе стороны покрывала, зорко следя за каждым движением рук. Созывать прохожих больше не требовалось — людской водоворот сам затягивал новых зевак. Увидев, что здесь торгуют полезными в хозяйстве вещами, люди протискивались ближе. Конечно, хватало и тех, кто по полчаса вертел в руках товар и уходил ни с чем, но большинство всё же уносило с собой хоть какую-то мелочь — пусть даже пучок ниток за две фэни.

Цены на их развале не кусались. Самыми дорогими позициями оставались шелковые косынки, махровые полотенца да добротные носки. Зато карманные зеркальца и разноцветные резинки для волос разлетались как горячие пирожки.

— О, почтенная тетушка, у вас отличный вкус! — Гоудань вовремя перехватил за руку одну вороватую старушку, собиравшуюся спрятать зеркальце в широкий рукав. — С вас ровно один цзяо за эту красоту. Не забудьте оплатить, пожалуйста.

Он не стал устраивать скандал и обвинять ее при всех, но его вежливый напор заставил женщину покраснеть и нехотя полезть в кошель за монетами.

Большинство покупателей всё же были людьми совестливыми: взял вещь — вынь да положь монету.

— Нарезь-ка мне бельевой резинки на два цзяо, — попросила дородная крестьянка.

— Будет сделано! — отозвался Ли Кай.

Он ловко орудовал ножницами, отмеряя нужную длину от пухлого мотка.

— Держите, я вам тут с запасом отрезал. Хватит и детские штанишки подпоясать, и на пару завязок останется.

Женщина довольно заулыбалась — кто же откажется от бесплатной прибавки?

В те годы эластичная лента считалась страшным дефицитом. Обычно деревенские подпоясывали штаны простыми веревками или тканевыми тесемками, что было жутко неудобно, а раздобыть настоящую резинку удавалось далеко не каждому.

У Гоуданя же цена была копеечной, так что неудивительно, что огромный моток разошелся в мгновение ока.

Та же участь постигла и девичьи украшения. Тонкие разноцветные шнурки продавались по три штуки за одну фэнь. Особый восторг у деревенских модниц вызывало буйство красок: сочные, чистые цвета радовали глаз. Какая молодая девчонка или новоиспеченная невестка устоит перед такой яркой красотой?

Многие из этих безделушек, хоть и считались на южных фабриках неликвидом, в глубинке материкового Китая никогда не появлялись. Таких расцветок и фасонов местные женщины в глаза не видели, поэтому торговля шла бойко.

К полудню поток людей иссяк, а у ребят окончательно сели голоса. Товар брали охотно не только из-за дешевизны и новизны. В этих краях обычных магазинов почти не водилось. За покупками все ходили в снабженческо-сбытовой кооператив, но цены там кусались, да и выбор был бедным. А тут подвернулся заезжий лоток с невиданным ассортиментом. К тому же конкурентов у них не было — окрестные крестьяне приносили на базар только яйца, овощи да домашнюю птицу.

Прибрав оставшиеся вещи, ребята около полудня стали собираться домой вместе с остальными торговцами. Закрепив короб на багажнике, Ван Сюань примостился на раме, а Гоудань уверенно нажал на педали, увозя их прочь из поселка.

Они решили объезжать по одному поселку в день. Крестьяне обычно съезжались на базар спозаранку, и после полудня улицы пустели. К тому же на дорогу по ухабистым проселкам уходило немало времени. По возвращении домой им нужно было пересчитать выручку и подготовить новую партию товара. Так и потекли их дни: первая половина дня уходила на торговлю, а вторая — на дорогу, домашние дела и короткий отдых.

Ли Сы не лез в дела сына. Видя, как мальчишки копаются в грудях пестрых безделушек, он

лишь однажды спросил, откуда добро. Гоудань отбрехался: мол, знакомый привез товар с юга, сбыть не может, вот и попросил их помочь за небольшую долю. Ли Сы успокоился. Главное — парень не ввязался в криминал, а остальное его мало заботило.

Выручка представляла собой внушительную гору бумажек и монет. В основном это были мелкие фэни и цзяо — грязные, потертые бумажки номиналом в одну или пять фэней. Крупные купюры в один или два юаня попадались редко, всего пара штук за день. Большая часть бумажных денег уходила обратно на сдачу. Стопка банкнот выглядела солидно, но при подсчете оказывалось, что общая сумма не так уж велика.

Впрочем, глупо было ожидать золотых гор от копеечного товара. Главное — у них появился стабильный доход. На юге они выменяли эту мелочевку за сущие гроши, так что теперь каждая проданная за фэнь заколка приносила чистую прибыль. Парни не брезговали даже самой мелкой монетой.

Летние каникулы постепенно таяли, а вместе с ними пустело и их Сокровище. Даже лоскуты и обрезки тканей разошлись на ура — крестьяне цеплялись за любую возможность выгадать дефицитный материал без предъявления талонов. Когда ходовой товар иссяк, на дне ящиков остались лишь самые невзрачные и помятые безделушки. Гоудань решил устроить финальную распродажу и отдать остатки по бросовой цене — хоть несколько фэней, но в карман.

Вскоре по деревне поползли слухи, что сыновья Ли Сы занялись мелкой торговлей и целыми днями пропадают на окрестных рынках. Особо любопытным соседям Гоудань рассказывал ту же байку, что и отцу, лишь слегка изменив детали. Верили им люди или строили свои догадки — ребят не волновало.

Когда они наконец решились выставить свой лоток в родном поселке Сяньгоучжэнь, у них на руках остался лишь жалкий неликвид — то, что забраковали покупатели в других местах. Местные кумушки, заглянув на прилавок, только разочарованно фыркали: дескать, обычные швейные иглы да нитки, ничего особенного. Встречая односельчан, Гоудань и Ван Сюань щедро досыпали им в покупки разные мелочи — все эти пуговицы и шнурки всё равно валялись на дне мешков без счета. Если кто-то из соседей начинал торговаться, ребята легко уступали в цене, стараясь не портить отношения с земляками.

Слухи быстро сменили тон. По деревне пошли разговоры, что ребята торгуют сущим пустяком ради пары-тройки фэней прибыли, просто чтобы заработать на хлеб своим мозолистым трудом. Все ведь понимали: Гоуданю и Ван Сюаню нужно продолжать учебу, а на те скудные гроши, что Ли Сы выручал со своего крошечного надела, двоих студентов не прокормить. Люди качали головами и приговаривали:

— Надо же, какие толковые парни выросли у Ли Сы! И учатся прилежно, и копейку в дом нести не стыдятся.

Конечно, за этими похвалами скрывалась горькая правда: семья Ли Сы перебивалась с воды на квас, помочь им было некому, вот пацанам и пришлось наступить на горло собственной

гордости. Хотя времена изменились — за мелкое предпринимательство больше не клеймили «капиталистическими элементами» и не устраивали публичных судилищ, как в прошлые десятилетия, — большинство деревенских по-прежнему считали уличную торговлю делом низким и постыдным. Сами они ни за какие коврижки не согласились бы стоять у дороги и зазывать покупателей.

Деревенские предпочитали надирать спины на полях за копейки, лишь бы сохранить лицо. Далекие от коммерции, они наивно полагали, что ребята зарабатывают сущие крохи за свой каторжный труд на ногах. До эпохи всеобщего предпринимательства было еще далеко, и мелкая торговля в глухой провинции всё еще оставалась клеймом бедности и позора.

<http://bllate.org/book/19654/1996763>